

Ф.М. Решетников

Подлиповцы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ф11

Ф11 **Ф.М. Решетников**
Подлиповцы / Ф.М. Решетников – М.: Книга по Требованию, 2021. – 88 с.

ISBN 978-5-4241-2237-8

Решетников Федор Михайлович. Подлиповцы. Воспроизведено с издания:
Ф. М. Решетников. Между людьми. Повести, рассказы и очерки. Изд. «
Современник», М., 1985 г.

ISBN 978-5-4241-2237-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Ф.М. Решетников, 2021

Ф. М. Решетников. Подлиповцы

*Посвящается Николаю Алексеевичу
Некрасову*

Часть первая. ПИЛА И СЫСОЙКО

I

Деревня Подлипная очень непривлекательна на вид. Она состоит из шести домиков, построенных по левую сторону дороги, идущей от других деревень, и разбросанных по неровной местности так, что один домик стоит выше другого, другой около дороги, а третий и прочие пятаются к лесу. Домики эти – четыре с крышами, два без крыш – с соломою на потолке, с слюдою в оконных рамах, с стайками и плетушками, огорожены так: вколотили в землю несколько тонких березовых кольев, да и связали за них, параллельно к земле, где по две, где по три березки, и назвали плетнем. Ворот в Подлипной вовсе нет. Добро бы лесу не было, а то кругом деревни лес высокий и густой, все береза да сосна, можно бы эво какие дома построить и заплоты дощаные с воротами сделать... «А пошто? – спросит подлиповец, не понимая, – А и так, тожно, баско!..» За дровами не видится риг или зародов сена, нет огородов с овощами. Только направо заметны гряды с капустой, морковью и преимущественно картофелем. Самая местность тоже непривлекательна, хоть зимой, хоть летом. Против домиков, через дорогу, за грядками, большое поле, а за полем тянется большое болото, поросшее мелкими кустарниками березы, ели или липы. Летом досадно становится, как посмотришь на поля: земля кое-как вспахана, кое-где на засохших кочках видится травка, да разве две-три лошади шатаются по полю, да и то недолго: они идут в лес, там больше травы. «Пробовали, – сказывают подлиповцы, – уж как вспахивали землю: и поздно, и рано, да проку нет. Вспахаешь, – стужа настанет либо дождь, потом жара: все околечет, а там дождь, иней, снег... Пробовали и за хлебушком ходить, да все не в толк: только начинает созревать хлеб, – баско! вдруг дожди, заморозки, снег... Поплачешь, погорюешь, да и скосишь травку божьё, измелешь и ешь так с горячей водой, либо настоящей мучки смешаешь али коры осиновою, либо липовой наскоблишь...» Зимой частые ветры да вьюги по полю, снега большие до пол-окон заматают домики, а которые ниже, то и до крыш, а дороги и след простыл. Мало в этой деревне видится жизни. Летом еще можно увидеть мужчину или женщину или ребят на поле или около домиков, но зато не слышится веселого говора, не слышится песен, у всех точно какое-то горе, какое-то болезненное состояние. На что дети – и те резвятся как-то словно нехотя: побежит, упадет, заплачет и побежит домой; даже лошади, коровы и свиньи ходят как-то сонно; одни только девять куриц да два петуха бегают скоро, и воздух оглашается криком крестьян на животных, лаем одной собаки, единственного деревенского сторожа, уцелевшей каким-то чудом от бойни хозяина, желавшего употребить ее шкуру на шапку, криком кур, маленьких ребят да чириканьем коростелей в болоте... Зимой еще хуже. Тогда все дома точно погребены снегом, на дороге целую неделю не видать следов человеческих, все как

будто спряталось, только кой-где корова промычит да рыщет по полю собака. Так вот и кажется, что люди вымерли или напала на них спячка. В самих домах тоже не лучше. Самое худое время – это зима. Везде бедная обстановка, нечистота, плач и стоны; половина лежит, половина сидит молча или что-нибудь делает, ругая работу, ругая себя и все окружающее. Словно всем им жизнь опротивела, все чем-то мучатся, всем постыл свет божий... А есть между ними и молодые ребята, и молодые девушки; правда, нет красивых, но все-таки и у них есть своя зазнобушка, тоска невыносимая, зависть лютая... Живут в этой деревне государственные крестьяне Чудиновской волости, Чердынского уезда, бедные люди, каких много в северной части этого уезда, но еще беднее прочих крестьян. У крестьян прочих деревень есть какая-нибудь промышленность, природа дает им что-нибудь для сбыта, а эти просто держатся словно чудом. Уж как они ни возделывали землю, как ни молились своим пермякским богам, чтобы хлебушко свой был, – нет ничего. Просили они и попа сельского помолиться его богу, – и тут не помогло. Так и бросили поле, и вот уже второй год, как поле стоит нетронутым и дает только небольшую травку животным. Купить хлеба подлиповцам не на что. Положим, они нарубят леса, но куда везти? город от них в ста верстах. Положим, скосят в лесу траву, и можно будет излишек продать; опять-таки город далеко, а в других деревнях и селах свое сено, свои дрова и свой лес, – каждый бы сам продал. Вот они, сделав кадки, наберухи, лапти, везут это на продажу в город, но там и без них много таких горемык, как подлиповцы, и всякий сбывает за бесценок, лишь бы хлебушка купить. Занимаются они и стрельянием рябков, ходят на медведей, но на порох надо деньги, а медведя хоть и можно убить ломом чугунным или чем иным, так медведей ныне мало. Сбыта очень мало, и редкий много-много получит в лето или зиму рубля три. От этого у них явилась апатия, все они потеряли надежду на сбыт чего-нибудь, и редкого вытащишь из его избы... Каждый мужчина взрослый и женщина или девушка носят по одной рубахе круглый год, ходят летом в рубахах, зимой надевают полушубок из овечьей, телячьей и собачьей шкур, мужчины надевают на голову такие же шапки, а лапти носят все, кроме детей, которые едва-едва прикрывают тело чем-нибудь. Это еще ничего, но самое главное – пища мучит всех. Настоящий хлеб едят редкие с месяц в год. остальное время все едят мякину с корой, и от этого у них является лень к работе, болезнь, и часто все подлиповцы лежат больные, сами не зная, что с ними делается, а только ругаются и плачут. Надо заметить, что и в Чердыни хлеб слишком дорог, потому что его привозят туда только зимой из других городов или доставляют на судах бичевчики летом из Вятской губернии – из Сарапула или Елабуги. Подлиповцы уже привыкли к такой жизни, свыклись и с своими болезнями. Они знают, что помочь им некому; даже самые люди против них. Все они жители своей деревни, родня друг другу – отцы, братья, сестры, кумовья и кумушки: родни у них много и в других деревнях, но те не любят их, не знают с ними, потому что и сами-то они голые, и от подлиповцев нечего взять. Со своей стороны и подлиповцы не любят их и не ходят к ним. Подлиповцев не любят жители других деревень еще и за то, что подлиповцы своей пермякской веры держатся, слывут за ленивых, самых бедных, и их называют колдунами: захочет подлиповец посадить килу (грыжу) – посадит, захочет, чтобы такой-то умер – умрет. Зачем же подлиповцы живут тут? – спросит читатель. Подлиповцам не растолкуешь этого, они сами не знают, откуда они

взялись. Известно только некоторым из других деревень крестьянам, что сюда, когда еще не было поля и не было ни одного дома, давно переселился один крестьянин-зверолов из какой-то соседней деревни. Ему хотелось жить одному с своим семейством, так как он перессорился с своими однодеревенцами. Он построил дом и жил с женой и детьми несколько лет, не сообщаясь с прочими крестьянами. После его смерти два сына женились и построили еще два домика, дочь вышла замуж в другую деревню. Таким образом, люди расплодился до тридцати человек и живут теперь в шести домах. Сначала они находились под управлением старших лиц в семействе, и к ним не заглядывало никакое начальство. Понятия их были такие: есть какой-то бог, а какой, и сами не знали, и только по преданиям своих отцов справляли свои праздники, молились чучелам. О существовании земля они знали только то, что земля дает пищу да в землю покойников зарывают. Увидят они, что солнце ярко светит, и думают: это бог, молятся ему: светит ли ночью луна – тоже бог; и дождь, и снег, и молния – все бог. Знали они, что есть город Чердынь, только потому, что бывали там, а есть ли еще за Чердынью что-нибудь – дело темное. В городе они видели разных людей, но никак не могли понять, что это за люди; этих людей они боялись, не верили им, и только ездили туда затем, чтобы сбыть необходимое для обмена на пищу. Но вот начальство заглянуло к ним: деревню их назвали Подлипную, обложили всех их податью, стали брать по одному в рекрута, приехал к ним священник и стал уговаривать принять православную веру. Подлиповцы ничего не понимали, никого не слушали и хотели разбежаться, но струсил: приехал становой пристав, обласкал всех; подлиповцы смирились, испугались, исполнили все, что от них требовали, и с тех пор так боятся станового и попа (название, данное подлиповцами священнику), что, при появлении того и другого, прячутся в домках и запирают двери. Сколько священник ни толковал им о боге, они не хотели понимать; хотя имели образа, но прятали их под лавки и вынимали, когда являлся священник; окрестившись, они, из боязни, стали отдавать крестить детей; венчались сначала по-своему, потом ехали в село к попу, везли к нему покойников... Ничего бы этого они не делали, да священник становым их пугал, а подлиповцы помнят станового, как он, когда в Подлипной умерло с голоду шесть человек, обласкал не только мужчин, но и женщин, сам не зная за что; а отрывши в лесу мертвое тело, увез трех главных стариков в село, потом в город, и с тех пор подлиповцы не видели своих стариков. Причта они еще и потому боятся: хотя он живет в селе, за пятьдесят верст, но как приедет в Подлипную, то дьячок непременно уведет самую лучшую корову или лошадь и продаст, а подлиповцы молчат, думают, так и надо, хотя и горько им, и обидно; а не дашь, становой приедет. При своей бедности подлиповцы постоянно в долгу: с них требуют подати, но им негде взять денег, и на них растут недоимки с каждым годом. Неужели они не умеют работать? Подлиповец, родившийся в Подлипной, проживший в своей деревне детство и имея взрослых детей, умеет делать то, чему научили его отец и родня: он умеет дом построить; но заставьте его, читатель, построить дом в городе, он вам построит так, что вы и посмеетесь над ним, и прогоните его. Отчего? Оттого, что подлиповец строил для себя дом по своему умению, собственно, с тою целью, чтобы ему была защита от холода, дождя. Понятно, ему никаких удобств не надо. А вы любите, чтобы дом ваш был теплый и существовал долго, чего подлиповец не сумеет сделать. Заставьте вы подли-

повца печь скласть, он вам складет по-своему. У себя дома он сложит печь, как ему отец передал: «Эй, ты, цуцело, подь тамока... Где камня увидишь – волоки». Сын приташил камня. Достали из ручейка воды, вскипятили, разварили с глиной... «Мастюжь!» – кричит отец и сам работает. Через два дня печь готова, а через год она проваливается, нужно класть снова... Но растолкуй этим людям как следует, по-человечески, что нужно делать, они примутся и сделают еще крепче городского мастера. В этом я ручаюсь. Есть в Перми один печник. Он кладет печки дешево; но если склал, так печь и тепла всегда, и угара нет, и крепка. Его призывает только бедный класс, но богачи, само собой разумеется, надеются да архитектора – и поправляют печки через пять лет, а некоторые и раньше. Господин этот из Подлипной, только подлиповцы думают, что он без вести пропал или его медведи заели. Он был работником у одного печника шесть лет, теперь семнадцатый год работает сам, без работников, и имеет в Мотовилихинском заводе свой дом. Подлиповцев нельзя винить ни в чем: они глупы, необразованы, но кто их вразумит, куда они пойдут?.. «Уж помру тожно, а тамока где уж!» Под этими словами можно понимать, что подлиповцам нравится своя деревня, а дальше – кто знает, что такое творится. «Уйти из Подлипной? куда пойдешь? Вон ушел из Подлипной Митюк Ковычка, еще молодой, и жену с двумя детьми оставил, да так и пропал. Поди тамока, и тю-тю!.. Пошел Терешка Вятка куда-то лес сплавать и утонул, сказывают. Мишка Гайва ушел в город какой-то, да так и пропал...» Все это напугало подлиповцев до того, что они замкнулись в своей деревне, и живут по-своему, как живется: ведь растет же дерево, живут же лошади и коровы... Знают подлиповцы, что без жены неловко, надо бабу, – и живут с бабами. Про идеальную любовь они вовсе не знают, у них своя любовь: играли вместе, вместе росли, вместе и жить надо. Так и делается в Подлипной. Умрет тот или другой, они хотя и думают, что так и надо умереть, но им обидно, досадно, что умер такой-то, что опять надо к попу ехать венчаться. О любви подлиповцев я расскажу в следующей главе. Досадно им: зачем дети рождаются от них, и с маленькими детьми обращаются как люди с котятками; одни только матери немножко присматривают за детьми. С пятилетнего возраста дети растут по произвол судьбы... Подлиповцы говорят по-пермякски. Плохо понимая наши слова, они хотя и выговаривают их, но в исковерканном виде. Выговор их походит на выговор крестьян Вятской и Вологодской губерний.

II

Ноябрь месяц в начале. Зима свирепствует немилосердно, как будто все зло свое хочет выместить над Подлипной и ее обитателями. Утро. Холод в тридцать градусов; ветер свистит по полю; деревья скрипят; верхушки их то и дело с шумом пошатывают направо и налево, и впрямь и вкось. Ветер рыщет по полю и гонит снег, как назло, к самым домам, до половины уже занесенным снегом. Дороги вовсе не видать – она сравнялась с полем. Больше всего достается крайнему домику, без крыши, с одним окном, со слюдою в рамах, до половины заваленному снегом. Ветер так и рвет с домика, что ему под силу: вон доску, высунувшуюся с потолка, оторвало; вон посыпались высунувшиеся из-под снега камни, составляющие трубу; вон четверть крыши со стайки оторвало; вон и слюда треснула в одной раме – пошел ветер гулять по избе... Ни одного человека не видно; не видно и животных, даже собака куда-то спряталась... Но

вот вышел из одного дома крестьянин, в полушубке из овечьей и телячьей шкур, в шапке из такой же шерсти, с длинными ушами, в огромнейших собачьих рукавицах, в синих нанковых штанах и в лаптях. Он уже немолод: ему годов сорок.

– Эко диво! – сказал он, сторонясь от ветра. Ветер и стужа его злили.

– Как пойдешь? Гли, што диется... – Он начал шагать и тонул в снегу. – Эк, испугались! Врешь!! Ишь ты, цуцело, околить бы те!.. – Он плюнул. – Да будь ты проклят, черт!.. – Крестьянин дошел до крайней избушки и вошел в нее. В избе холод страшный, ветер так и дует в окно сквозь раму; против окна снег на полу, на столе и на лавке. Изба очень бедна; кроме стен, стола, скамейки да одного худого лаптя, валяющегося среди пола, и небольшого корыта с корой и двумя большими ложками, в ней ничего не видно... Только на полатах да на печке кто-то стонет.

– Эй, вы, цуцелы! Померли али нет?.. С полатей раздался стон.

– Ошшо живы! – сказал он весело.

– Пила, поди сюда!.. – сказал с полатей мужской голос. Вошедший, бросив на пол рукавицы, не горюясь полез на печь. На печке лежала старуха.

– Скоро помрешь? – спросил он ее с участием. Старуха стонала. На полатах лежал Сысой Степаныч Сысоев, прозванный по-подлиповски Сысойком. Ему двадцатый год, но он худ и бледен. Он лежал в полушубке, в шапке, в лаптях и дрожал.

– Печку бы... пали, братан... А? Ишь, стужа, витер! – говорил Сысойко.

– Ну, уж и времена!.. На картошки! – сказал Пила и подал Сысойке четыре печеных картофелины.

– Я тожно – беда. Нутро... – Сысойко хотел объяснить свою болезнь и разжа- любить Пилу, но не умел. Вдруг он спросил Пилу: – А Апроська?

– Апроська помират.

– А может, представляется?.. Не помрет?

– Кто ее знает. А канючит больно: подь, бает, к Сысойке, снеси картошки, да пусть, бает, придет молочка потрескать.

– Ох, не говори, – не могу, моченьки нет... – стонет Сысойко. Пила молчал. Ему жалко было Сысойку и его мать, которая была больная, слепая и сумасшедшая.

– Истопить уж печь-ту! А где ребята-те?.. – Пила слез с печки.

– В печке, – сказал Сысойко. Пила подошел к окну, стал сгребать рукой снег с полу; постоял у окна, ветер дует; надо бы заткнуть, а чем: ничего нет такого. Он взял с полу лапоть, приладил его в раму, а ветер все дует.

– Нет ли чего затыкать-то?

– Нету, братанко, – сказал Сысойко.

– Да хоть рукавиц, что ли, дай; жалко!.. Черт!! успеешь околеть-то... Боров! лежать бы все... Чуча! Сысойко сбросил с полатей рукавицы и шапку. Пила затыкал ими раму; ветер перестал дуть, зато в избе темно сделалось. Пила пошел на улицу; ветер все дул. Пила отскреб немного снега от окна рукавицами и пошел искать дров около стайки, в которой лежала лошадь, не евшая ничего два дня. Пила долго удивлялся ветру: «Экой какой, сила какая!.. Эвон что разворочал». Он достал с потолка стайки сена и соломы, снес их лошади.

– Ужо я овсеца тебе принесу... Скотинка ты, скотинка экая! – жалобно говорил Пила, смотря на лошадь, как она принялась охобачивать сено и солому. Гаврило

Гаврилыч Пилин, по-подлиповски Пила, был человек добрый, пробойный и работающий. Он один из подлиповцев понял, что ничего не делая жить нельзя; он как-нибудь старался приискать себе работу, сбывать ее, а главное, услужить своим подлиповцам. Назад тому год Пила постоянно стрелял дичь и сбывал ее в городе, хлеб у него водился; но как-то раз утопил ружье в реке, сам простудился и, пролежав два месяца, обеднел до того, что ему с семейством привелось есть кору, а корове и лошадям вовсе нечего было есть. Оправившись после болезни, Пила насобирав у подлиповцев наделанных кадок, кузовков и лаптей, отправился за больных продавать в селе и городе. У Пилы в городе был знакомый хозяин постоянного двора, и он через посредство его находил себе покупателей. Он и раньше возил вещи, но теперь постоянно стал заставлять подлиповцев работать, и для него ничего не значило съездить за сто верст: он одну половину денег отдавал крестьянам или покупал муки, а другую брал себе и покупал для себя пиши. Если в городе ничего не покупали, Пила шел собирать ради Христа и потом делился с подлиповцами. Своим подлиповцам он помогал, чем только мог. Бывало, скажет подлиповцам: «Чево сидите, робь; я буду робить», – и подлиповцы работают с Пилой; нет Пилы – подлиповцы лежат. Окажет подлиповцам: «Смотри, траву надо косить», здоровые идут косить, а не скажи Пила, что траву надо косить, подлиповцы не догадуются. Все подлиповцы любили Пилу, и каждый спрашивал его совета или просил полечить, так как Пила лечил больных травами, хотя сам не понимал никакого толку в травах. Мысль лечить травами пришла ему в голову тогда, как он увидел в городе крестьянина с травами. Пила не понимал, для чего крестьянин травы продает. «Это што?» – спросил Пила крестьянина. «Это лекарство». Слово «лекарство» для Пилы было новостью; ему показалось, что это что-то баское. «А как это делают?» – спросил он крестьянина. «Да так. Коли кто захворает, ну и пьет траву, коя идет на такую болесть. Тут всякие есть: затрясет тебя, лихоманка забьет, брюхо заболит, ну и лечатся такой травой». – «Лиже ты! А где они растут?» – «В лесу да в болотах...» Вот Пила и стал собирать летом в лесу да в болоте разные травы с цветочками, вырывал с корнями и лечил подлиповцев. «Ну-ка, съешь эту травку, хворать не станешь», – говорил Пила больному. Больной ел, и ему становилось либо лучше, либо хуже, и все-таки все просили у Пилы травы. Пила давал, не требуя за это ничего. Священник требовал, чтобы крестьяне непременно крестили детей, везли в село умерших, венчались; первое подлиповцы не исполняли до тех пор, пока священник не приезжал сам за сбором; за умерших они боялись и везли все покойника в село; свадьбы венчались редко: подлиповцы жили до тех пор, пока опять не придет священник за сбором; а как приехал, – беда: «взлит с собой штуку какую-то (метрическую книгу) и давай считать да пугать – беда!» – говорят подлиповцы и едут венчаться в село, но только с Пилой. Причт просит денег либо масла за свадьбу, и Пила пойдет собирать ради Христа, жениху и невесте велит то же сделать, и, насобирав чего-нибудь, идут к причту. Все подлиповцы удивлялись Пиле: как это он всегда успеваает, все умеет сделать, всегда весел и редко хворает, даже и с семьей его ничего не делается. Поэтому его прозвали колдуном и боялись. Пила никогда не был колдуном, но слово это его забавляло. Пила уж третью неделю не выезжал из деревни. Все подлиповцы сделались больны от мякины и Кору; продать нечего; дочь Пилы, Апроська, тоже захворала, жена его Матрена и парень Иван третьи сутки не встают. Пила не знает, что и делать, кому и как

помочь, – травы его не действуют; надо бы купить мужи, да уехать Пила боится: как да все без него помрут? Наконец и у Пилы не стало муки, и он принялся мешать в мякину кору, и его тошнить стало. Хорошо еще, у него картофель есть, да корова дает немного молока: для себя достает, а если другим уделишь – у самого ничего не будет. «Экая беда! – думает Пила, – что теперь делать – не знаю. Уедь я, – все помрут, и Апроська, и Сысойко...» Жена Пилы, Матрена, была такая же, как и прочие подлиповские женщины, часто хворающая, но несколько крепче прочих; она скоро выздоравливала. Работы у Матрены никакой не было, кроме того, что она доила корову.. Она спала и во всем надеялась на мужа. Пила на нее смотрел, как на какую-то потребность, часто возил он ее с собой в лес и в город, приучал к какой-нибудь работе, но Матрена ничего не хотела делать, за что Пила бил ее, во время своей злости, как лошадь, чем попало. Все дети их, Апроська девятнадцати лет, Иван шестнадцати, Павел четырнадцати и Тюнька трех лет, росли на произвол судьбы. Апроська была некрасивая девушка, худая, часто хворающая, ничего не делающая, как и мать. Отец бил ее, Ивана и Павла, как и свою жену, за то, что ему не нравилось; но Апроську Пила любил как будто даже более, нежели дочь. У Апроськи на семнадцатом году был ребенок, но ребенок этот не дожил до приезда священника, и когда он умер, его зарыли в лесу. Теперь отец знал, что Апроська опять скоро родит, и знал, что ребенок будет от Сысойки... На Ивана и Павла Пила смотрел как на работников, не позволял им сидеть даром, не верил их болезням. «Какая хворость вам, эким парням? Я вон прежде не хварывал», – говорил Пила, когда парня лежали. Жалость к детям у Пилы была тогда, когда они уже ревели от боли. Пиле казалось неприятно это, жалко было ребят, потому что он бы мог заместиться ими, и в то время он кормил их больше, насильно заставлял есть травы. Павел и Иван были забытые парни; умели нарубить дров, знали дорогу в село, но в городе никогда не бывали. Брат с братом жили так дружно, что никогда не расставались, работали вместе и старались отличиться друг перед другом. Начнет Иван плести лапоть. Павел тоже плетет лапоть и дразнит брата: «Уж тебе где смастожить! то ли я! Смотри, как?» – «Эй, Пашка, не дразни! Ты смотри, как я делаю». Часто Пила посылал парней понаведаться к какому-нибудь подлиповцу; братья ходили вместе и проводили весь день в гостях. Если кто-нибудь работал, братья высматривали работу и дома старались сделать так же; если работы были обыкновенные у всех, они делали тут же, передразнивая и смеясь над девками и мужиками. С молодыми девками они обращались запросто, как с своей сестрой: передразнивали, щипали их за бока, ругали. Это была их любовь. Пила поговаривал женить Ивана и сговорил ему одну девку, Агашку. Иван стал ходить к отцу Агашки, по научению Пилы, которое заключалось в следующих словах: «Дубина ты, как я погляжу, не знаешь, што баско... Пора тебе с бабой жить»...

– А пошто?

– Дурень ты! говорят, будет баско. – Ивану казалось смешно, он чего-то пугался, однако скоро уже постоянно ходил к Агашке. Эта любовь продолжалась полгода. Павел узнал от брата, что с девкой жить хорошо, тоже нашел себе девку. Сысойко живет рядом с Пилой, и дома их не отделены друг от друга даже плетнем. Сысойко был самый бедный в деревне и редко бывал здоровым. Отец его ходил на медведей с чугунным ломом и брал его с собой. Но медведей было мало, так что в год они убивали много медведя три. Мясо медвежье они ели, а

шкуру продавали в село за дешевую цену. Тогда, при отце, можно было жить, но вот уже два года, как отца загрыз медведь, а Сысойко, бывший с отцом, хотя и убил этого медведя, но медведь исцарапал ему плечо. Сысойко едва-едва дошел до своей деревни, сказал о беде Пиле и вместе с ним повез отца в село, захвативши с собой и убитого медведя. Священник не стал хоронить отца Сысойки, а почему-то призвал станového пристава. Становой привязался к Сысойке и Пиле, говоря, что не медведь загрыз отца Сысойки, а они ухаживали его и только для формы привезли медведя. Становому хотелось взять себе убитого медведя, и он взял-таки его и попросил священника отпеть покойника... С той поры Сысойко живет очень бедно: в лес бить медведей не ходит, стрелять дичь – пороку нет, продавать кадки и прочее не стоит, да и Сысойко умел только лапти плести. И вот Сысойко помогал в чем-нибудь Пиле, то есть вместе с ним искал лекарственную траву, ездил по нужде в село и в город, за что и пользовался от Пилы подачками хлебом и мясом; но так как он часто хворал, то и не мог всегда бывать с Пилой, и Пила навещал его. Пила и Сысойко так привыкли друг к другу, что по целым дням проводили вместе, ничего не делая, а лежа; если Пила хворал, да Сысойко был здоров, Сысойке казалось, что и он хворает, и наоборот. Пила и Сысойко в болезнях всячески старались угодить друг другу, а если Сысойко был здоров, то целую неделю жил у Пилы и спал на полотах с Апроськой. Сысойко и Апроська росли вместе, но тогда у них были только детские отношения; такие же отношения были и тогда, когда Сысойке было восемнадцать лет, а Апроське шестнадцать, но скоро они уже изменились. С первого же времени молодые люди привязались друг к другу – обоим им было скучно, когда они не видели друг друга по неделям, а потому часто навещались друг о дружке у Пилы и сходились – или Сысойко в доме Пилы, или Апроська в доме Сысойки. Сысойке страшно опротивела жизнь в своем доме: каждый день и даже ночь ревели его маленькие брат Петр четырех лет и сестра Пашка двух лет, которые мерзли с холоду и постоянно голодали. Эти маленькие дети, не умеющие еще выговаривать и ходить, постоянно лежали или сидели полунагие, одетые в несколько тряпок, сшитых наподобие мешков. На них не обращалось внимания ни Сысойком, ни матерью, которая, больная и сумасшедшая, постоянно лежала на печке и охала. Куда Сысойко ни посадит детей, там они и сидят, там и ползают. А если Сысойко садил их на полатах, что случилось очень редко, то ребята то и дело получали колотушки... Он даже нарочно садил их на голый пол, для того, чтобы они скорее умерли, нарочно не давал есть, думая, что они помрут; но ребята кричали с каждым днем хуже, – Сысойко злился, хотел их пришибить чем-нибудь, но ему было жалко, он чего-то боялся... Пила жалел детей и всегда приносил им что-нибудь; при появлении Пилы дети начинали плакать и махали ему руками. Сысойко, когда бывал здоров, по неделе не заглядывал в свою избу, а терся у Пилы или где-нибудь с Пилой; об сестре и брате и, наконец, о своей матери он не думал в это время; он рад был, что наконец-то нет их, не слышатся крики, не ворчит и не охает старуха. Хотелось Сысойке жить у Пилы; да Пила говорил: нет, брат, изба моя махонькая, куда же я тебя пущу с ребятами и матерью?

– Да я один... – напрашивался Сысойко.

– Уж не говори. Те ребята-то все же брат да сестра... Ну да хоть помрут, не жалко, а мать-то? Она, брат, родила тебя.

– А ты лучше живи там да сюда ходи, – заметила Матрена. Сысойке еще хо-

телось жить одному с Апроськой да с Пилой. «С Апроськой баско. Пила хлеб носит», – думал Сысойко. Но где жить? В своем доме нельзя

– мать и ребята; Пила не пускал, да у него и жена, и дети. Долго Сысойко ломал голову на этот счет, да ничего не выдумал. Пила тоже думал: как бы устроить, чтобы Сысойке было лучше. Хоть и жаль Апроськи, и надо же ей жить с Сысойком, потому, что поп так велит (То есть велит венчаться), да и от Апроськи будут дети рождаться: но где жить? Жить в его доме нельзя, потому что у него свое семейство, парни, того и гляди, приведут в дом по девке, а как поп велит им жениться, то и самому тесно будет. Отдать Апроську Сысойке, чтобы она жила в Сысойковом доме, – там мать сумасшедшая, ребята ревут маленькие... Но до того, чтобы выстроить Сысойке избушку, Пила не додумался. Он на том и решил: уж пусть живут так, как теперь; а как помрет старуха Сысойкова да маленькие ребята, тогда и можно Апроську Сысойке отдать. А поп приедет, ну и венчать можно. И ребята пойдут от Апроськи, все же лучше, опять к попу можно съездить. «Только те не помирают. Уж померли бы скорее, пользы-то от них нет – только мука одна», – думал про себя Пила и сообщал об этом Апроське и Сысойке, которые с своей стороны тоже соглашались в этом мнении с Пилой, и стали ждать да ждать, чтобы те умерли...

III

Пила принес в избу Сысойки охапку дров. Бросив их на пол около печи, он заглянул в печку. Там лежали мальчик и девочка нагие.

– Эй вы, лешие! Вылезайте!.. спалю тожно... – кричал Пила. Из печки не слышно было ни голоса, ни движения. Пила потащил из печки за ногу мальчика. Мальчик был мертвый.

– Ишь ты!-сказал Пила и стал щупать мальчика. – Помер.

– Кто? – спросил Сысойко.

– Парень.

– Ну, и ладно... А девка-то? – спросил Сысойко и высунул голову с полатей. Пила вытащил за ногу и девушку. Она была мертвая. Левый висок ее был чем-то проломлен; лица ее незаметно было: все оно запеклось от крови, и на нем засох мусор от печки.

– Сысойко, гли! (смотри). Сысойко плохо видел с полатей.

– А што, померла?

– Слеп ты, што ли? Гляди, убита!..

– Вре?! Пила положил мальчика и девушку на лавку и долго смотрел на них жалобно.

– Слышь, Сысойко? Ты убил девку-то?

– А пошто?

– Право, ты?

– Цуцело ты. Пила! Што я, медведь, што ли, эк ты! – Сысойко не стал и говорить больше, а спрятал голову в полушубок. Пила нащепал березовой лучины, достал на трут кремнем огня, зажег лучину и стал смотреть в печку. В ней лежал большой камень, отвалившийся с неба печки. Теперь Пила понял, что не Сысойко убил девку, а этот камень сам отвалился. Только как же на парня камень не упал, а на одну девку?

– Смотри-кась, экой камень-то! – сказал Пила Сысойке, показывая ему камень.